

**Читайте в серии
«Наследница фейри»:**

Эти лживые клятвы
Эти спутанные узы

ПОСВЯЩЕНИЕ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ААРОНУ —
КОТОРЫЙ НАРИСОВАЛ КАРТУ
И БЛАГОДАРЯ КОТОРОМУ ПОЯВИЛАСЬ
ВТОРАЯ ЧАСТЬ ЭТОЙ ДИЛОГИИ

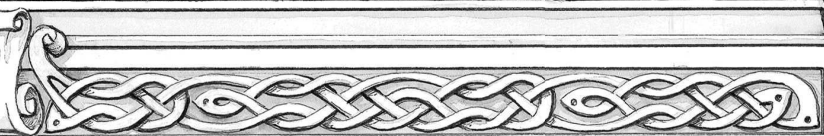
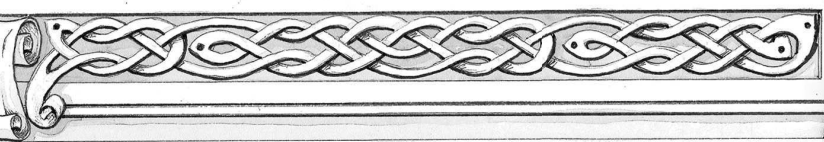
ЗЕМЛЯ
ДИКИХ ФЕЙРИ

ЗОЛОТОЙ
ДВОРЕЦ

КЛАДБИЩЕ

БЛАГОЙ
ДВОР

ДВОРЕЦ
БЕЗМЯТЕЖНОСТИ

ГЛАВА 1

За дворцовыми воротами поднимается солнце и слышно пение птиц, но Золотой дворец окутан покрывалом ночи.

Моей ночи. Моей темноты. Моей силы.

Я самозабвенно выплескиваю волны магии во все стороны, заманивая в ловушку тех, кто осмеливается меня преследовать. Темнота тянется за мной, словно шлейф изысканного свадебного платья. Но я — не чья-то невеста.

Больше я не поведу на сладкую ложь и не позволю собой манипулировать. Себастьян предал меня. Они все меня предали, но его двуличие ранит сильнее всего. Тот, кто должен был меня любить и защищать, использовал меня, чтобы украсть корону Неблагого двора.

Кровь в моих венах вскипает от злости, и я чувствую, как эта ярость подпитывает мою силу.

Я бегу — и не останавливаюсь, даже когда чувствую, что бегу по острому гравию. Босые ступни жжет от впивающихся в кожу острых камней, но я рада этой боли и концентрируюсь на ней. Только так у меня получается не обращать внимания на другие чувства — на тоску и разочарование, кото-

рые принадлежат тому, кого я люблю. Тому, с кем я навсегда связана. Тому, кто солгал мне, кто меня предал.

Я не хочу его чувствовать. Не хочу знать, что после моего ухода его сердце все равно что треснуло напополам, что, потеряв меня, он находится в полном отчаянии. Не хочу понимать, что он оказался в ловушке своего долга, не хочу чувствовать, как он жалеет о случившемся. Но я это знаю. Знаю из-за уз, которые связывают наши души.

Себастьян предал меня ради короны. Он получил что хотел, а я стала тем, кого так долго презирала.

Фейри. Бессмертной.

Я бегу — и с каждым шагом все четче осознаю, в каком затруднительном положении оказалась.

Я босая. В ночной рубашке. Далеко мне в таком виде не уйти. Но я не допущу, чтобы меня поймали.

Я возвращаюсь к конюшням. Толкнув деревянные двери, я вижу, как расширяются глаза мальчика-конюха. Его взгляд прикован к развевающемуся позади меня грозному шлейфу темноты, готовой окутать все вокруг.

Конюх молод, у него светлые волосы, ярко-голубые глаза и заостренные уши. Я уже его видела — когда заходила в конюшни перед прогулками по дворцовым территориям. Тогда я думала, что здесь я в безопасности, верила, что Себастьян любит меня искренне и бескорыстно.

— Снимай сапоги, — говорю я, высоко подняв голову.

— Са... са... — заикается он, бросая взгляд в сторону окутанного в темноту дворца и полной разрухи, которая царит позади меня.

— Сапоги! Живо!

Не сводя с меня широко раскрытых от испуга глаз, конюх развязывает свои сапоги и бросает их к моим ногам.

— Теперь лошадь, — командуя я, надевая его обувь. Немного великоваты — но сойдут. Я затягиваю шнуры и завязываю их вокруг лодыжек.

Его взгляд снова устремляется ко дворцу, и я выбрасываю еще одну вспышку силы. Ночь начинает зловеще пульсировать. Когда конюх выводит из конюшни белую кобылу, его руки заметно дрожат.

— Ч... что происходит, м... м... миледи?

Я игнорирую его вопрос и киваю на темный пояс с ножами, пристегнутый к его талии:

— И ремень с ножами.

Он расстегивает ремень и позволяет ему упасть на пол. Я быстро хватаю его за пряжку, затягиваю у себя на поясе и вскакиваю на лошадь.

— Спасибо, — говорю я, но мальчик съеживается, как будто ожидает, что я его зарежу его же собственными ножами. От страха конюха у меня во рту остается неприятное послевкусие.

Вот, получается, кем я стала?

Вот кем меня сделал Себастьян.

Я не могу выбросить эти мысли из головы, когда вывожу из конюшни лошадь, думаю об этом, выпрямляясь в седле.

И тут мне в грудь словно вонзили крюк. Такая сладкая боль, такая отчаянная мольба вернуться во дворец.

Вернуться к Себастьяну.

Со стороны лужайки разносятся крики. Мой новый слух намного острее человеческого, и я слышу, что в замке творится полный хаос — возня, крики, топот бегущих в мою сторону ног.

Крики становятся ближе. Моя магия ослабла; покрывало моей темноты окутывает их не так плотно.

Я вонзаю пятки в бока лошади. Она срывается с места и мчится вперед, а я держусь за нее изо всех сил.

«Вернись».

Я не столько слышу эти слова, сколько чувствую их, чувствую боль, которая обжигает мою грудь и проникает в кости.

«Ты нужна мне. Вернись ко мне».

При напоминании об узах, что я заключила с Себастьяном, я подталкиваю лошадь и скачу ещё быстрее. Не знаю, смогу ли я сбежать от этой связи, получится ли приглушить его страдания и душевную боль одним только расстоянием.

Но я попытаюсь.

* * *

— Хочу снять комнату на ночь, — говорю я трактирщице, стоящей за стойкой в захудалой таверне.

Голос у меня хриплый, а все тело ломит от усталости.

Я не знаю, где я и сколько проехала. Знаю только, что мчалась от дворца так быстро, как только могла. Я погоняла лошадь, проезжая деревни и фермы, пока была в состоянии удержаться в седле.

В подростковом возрасте я особо не ездила верхом, не говоря о том, чтобы проводить столько времени в седле. И уж тем более мне не доводилось ездить по такой горной местности, какую мне довелось пересечь за последние несколько часов. Когда я передавала поводья местному конюху, мои ноги гудели от боли.

Фейри за стойкой поджигает губы и бросает на меня холодный взгляд голубых глаз. Так обычно смо-

трят люди, на долю которых пришла тяжелая жизнь. Представляю, какое перед ней открывается зрелище. На моей белой ночной рубашке осел толстый слой грунтовой дорожной пыли, лицо у меня, уверена, выглядит ненамного лучше. Мои рыжие, до плеч, волосы стали грязными и спутались, а губы пересохли от жажды.

— Я не занимаюсь благотворительностью, — бормочет она, оглядев меня с головы до ног, и отворачивается, чтобы обслужить более многообещающего клиента.

Я бросаю на стойку мешочек с монетами. Мои старые воровские привычки сослужили мне хорошую службу. Это золото фейри мне любезно предоставил пьяный орк, которого я повстречала в таверне в часе езды к западу отсюда. Изначально я планировала переночевать там. Орк заметил, что я направляюсь в туалет, и решил, что меня можно зажать там и облапать. Я была измотана, но все же мне хватило сил, чтобы окутать его такой глубокой темнотой, что он плакал, как ребенок, умоляя его отпустить.

Трактирщица открывает мешочек и заглядывает внутрь — и ее измученные глаза на мгновение вспыхивают. Ее губы кривятся в торжествующей усмешке, а выражение лица меняется.

— Этого хватит, — говорит она, кладя ключ на стойку. — Второй этаж, последняя дверь слева. Я попрошу горничную принести тебе воды помыться.

Я ничего не знаю о деньгах фейри — сколько они стоят, что можно купить на одну из сверкающих золотых монет, — но я явно передала ей внушительную сумму, а она явно пытается меня обдурить. Я поднимаю бровь.

— Еще мне будет нужен ужин.

Она быстро кивает.

— Конечно.

Слишком просто.

— И какая-нибудь одежда. Брюки и рубашка. Ни в коем случае не платье.

Она задумчиво кривит подернутые морщинами губы.

— Я не продаю одежду, а магазин портного ночью закрыт.

Под моим тяжелым взглядом она вздыхает.

— Но... — она оглядывает меня. — Наверное, тебе подойдет что-нибудь из моих вещей. Я подошью их.

Я киваю в знак благодарности и сажусь на табурет. Мои ноги так трясутся, что я сомневаюсь, что смогу простоять ещё хотя бы мгновение.

— Я поем здесь.

Трактирщица убирает мешочек и грубо кричит маленькому ребенку, чтобы он принес мне ужин. Он убегает, опустив голову. Когда она снова переводит на меня свои холодные глаза, то смотрит оценивающе.

— Откуда ты? — спрашивает она.

Я смеюсь, но я так устала, что больше кажется, что крихчу.

— Вы этого места не знаете.

Она поднимает бровь.

— Я знаю большую часть мест. Во время войны мне довелось пожить даже во дворе теней.

Я простожимаю плечами. Она слишком сильно хочет получить эти монеты и не будет настаивать на ответе.

— Да так, там нет ничего особенного.

Она принюхивается, и я задаюсь вопросом, что она чувствует. Я все еще пахну как человек, несмотря на то что стала фэйри? Чувствует ли она, что от

меня пахнет дворцом? Органы чувств работают безупречно, но за те короткие часы, что я провела в этом трансформированном теле, я обнаружила, что обостренное восприятие каждого звука, образа и запаха меня отвлекает. Все это слишком ошеломляет, чтобы приносить хоть какую-то пользу.

Ребенок бесшумно возвращается в комнату. Трактирщица берет у него миску с тушеным мясом и тарелку с хлебом и ставит их передо мной.

— Пока ты не доставляешь мне неприятностей, мне ничего не нужно знать. Иногда так даже лучше. — Она наклоняет голову, чтобы поймать мой взгляд. — Понимаешь?

Я замираю, почти поднеся ко рту первую ложку тушеного мяса. Что, по ее мнению, она знает обо мне?

— Конечно.

Она резко кивает, затем идет вдоль стойки, чтобы помочь другому клиенту.

Я с трудом могу сидеть, но заставляю себя есть тушёное мясо. Даже с учётом того, что я много проехала верхом, я не должна была так устать. Но я совершенно вымотана. Было бы очень заманчиво сразу же, без ужина, отправиться к себе, забраться под одеяло и погрузиться в сон. Но я знаю, что для того, что меня ждёт, мне понадобятся силы.

А что именно меня ждёт?

Я заставляю себя выбросить этот вопрос из головы. Я не знаю, куда направляюсь и что буду делать. Мне нужно быть подальше от дворца — подальше от Себастьяна. Думать об остальном я сейчас не могу. Не могу думать о том, насколько я не готова быть одной в этой незнакомой стране. И уж точно не могу думать, что эти заостренные уши и недавно дарованное

бессмертие означают, что я никогда не смогу поехать домой.

Что никогда не вернусь в Элору.

Никогда не смогу навестить сестру.

К стойке неторопливо подходит грузный орк. Он садится рядом со мной. Он выше шести футов ростом, с плоским носом, черными глазами-бусинками и двумя большими нижними зубами, которые загибаются по обе стороны верхней губы. Как и все орки, он массивный и мускулистый, и просто сидя рядом с ним, я уже чувствую себя маленькой и хрупкой. Я опускаю голову, надеясь, что он меня не заметит. Час назад я столкнулась с одним из его сородичей и сейчас совсем не заинтересована в том, чтобы привлекать внимание этого орка.

— Эля? — спрашивает трактирщица, и ее поджатые губы вызывают у него улыбку.

— Да. И поесть. Ну и денек.

Она дергает за ручку крана и наливает ему напиток.

— Правда?

— К нечистым вернулись силы.

Нечистым?

Трактирщица смеется.

— Скажешь тоже.

— Нет, — качает головой он. — Это правда.

Она пожимает плечами.

— Если это значит, что ты снова сможешь причинять им вред, тебя это только порадует. — Судя по ее тону, она так ему и не поверила.

— Я не вру. Ночью в лагере для детей творился крошечный ад. Мелкие ублюдки убили десять моих людей, прежде чем мы поняли, что происходит. Мы восемнадцать часов ждали партию инъекций.